

ЮРИЙ ХАС

Татьянин
день

Юрий Хас
Татьянин день

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Хас Ю.

Татьянин день / Ю. Хас — «ЛитРес: Самиздат», 2017

История студенческой любви. Беспокойная, давно ставшая привычной, университетская жизнь, наполненная яркими событиями, уже в прошлом. До защиты дипломной работы остались считанные дни, а дальше – неопределенность. Грусть, навеянная грядущим расставанием с друзьями и Главным зданием, ставшим родным домом, лишь усиливает переживания, связанные с драматической ситуацией в личной жизни. «Удастся ли спасти отношения?» - вопрос останется открытым до конца повествования ...

Татьянин день

Как будто бы железом,

Обмокнутым в сурьму,

Тебя вели нарезом

По сердцу моему.

Утро

Декабрь. Пустые, заснеженные улицы дремлющего города украшены яркими, разноцветными огнями праздничной иллюминации. В декабре светает поздно. Медленно вскарабкавшись на край небосклона, брызнув слабыми лучами, едва приласкав Землю своим теплом, бледно-желтый солнечный диск скоро багровеет и снова прячется за горизонтом. Кажется, что долгими зимними ночами солнце отсыпается, чтобы летом, поднявшись высоко, никуда не спеша прогуливаться в лазоревой небесной дали.

Тишину комнаты общежития нарушает мерное тиканье будильника «Витязь» с облупившейся по бокам зелёной эмалью. Часы лежат на краю дубового стола, втиснутого между массивным шкафом и крохотным диваном, с грустью глядя сквозь треснувшее стекло в высокий потолок. Уткнувшись лицом в подушку, на диванчике распластался юноша. Свисающие ноги, торчащие из-под шерстяного клетчатого пледа, недвусмысленно намекают, что ложе коротковато, но, очевидно, это обстоятельство никак не мешает безмятежному отдыху молодого человека.

Сильный снегопад, длящийся сутки, заметно ослаб. Из большого, в человеческий рост, окна, облаченного в массивную дубовую раму, заклеенную от сквозняка бумагой, открывается сказочный вид на заснеженный сквер с прямоугольным фонтаном посередине. По две стороны от чаши фонтана рядами стоят припорошенные снегом каменные изваяния учёных мужей с задумчивыми лицами. Одним краем протяжённый сквер упирается в широкую площадь, лежащую перед фасадом сталинской высотки. К главному входу величественного здания университета, украшенному портиком с высокой колоннадой, широкой волной взбегают парадная лестница. Другим краем сквер обращён к смотровой площадке Ленинских (ныне Воробьёвых) гор, которую опоясывает широкими перилами роскошная, красного гранита, балюстрада. В традициях регулярного парка по скверу разбросаны многочисленные клумбы, которые летом радуют буйством красок и пьянящим ароматом цветов, а теперь, укрытые снежным покрывалом, отливают серебром в лучах искусственного освещения. Вдоль сквера, огороженного боскетами из стриженных кустарников, тянутся широкие липовые аллеи, очерченные огнями уличных фонарей с ажурными плафонами под старину.

Вздвогнув от громкой трели будильника, юноша очнулся и стал судорожно хлопать по столу ладонью, пытаясь нащупать источник пронзительного звука. Наконец часы обнаружены, и ужасный звон прекратился. Сон, как утренний туман над рекой, быстро растаял, а в пробудившемся сознании появились первые несвязные мысли.

Наступающий день ничего особенно хорошего не сулил.

«Сегодня Новый год, но приход любимого с детства праздника отчего-то не радует, – размышлял Тимур, кутаясь в плед, – годом ранее, в такой же день накануне праздника счастье меня переполняло и наступающий год обещал только хорошее».

Полгода, прошедшие со дня встречи в июле с очаровательной незнакомкой в студенческом лагере на берегу Черного моря, пролетели незаметно. В новогоднюю ночь на Красной площади, у Спасской башни Кремля, поднимая с Маргаритой и друзьями бокалы под бой Крем-

левских курантов, Тимур загадывал желание. И вот минул год, а самое заветное так и осталось только желанием.

«Если прошлый Новый год оказался самым счастливым в жизни, то нынешний – наоборот, – думал Тимур, поправляя плед и пряча под него озябшие ноги. – Перебрал, наверное, я счастья в тот раз...»

Прошедший декабрь, слившийся в сознании в один бесконечно тянущийся сумрачный день, страшно утомил и морально, и физически. Сейчас хотелось одного – отдохнуть.

«Наверное, в этом есть свой плюс, – успокаивал себя Тимур, – что, если встретить Новый год в одиночестве?»

Мысль показалась интересной. Оставалось лишь обмозговать кое-какие технические моменты.

«Надо заскочить в магазин, запастись съестным и решить, стоит ли прогуляться к полночи до Смотровой площадки или лучше остаться в общежитии».

Ход мыслей прервал громкий стук в дверь.

«Это кого ещё нелёгкая принесла?» – Тимур лениво поднялся и на цыпочках, чтобы не мерзли ноги, подошел к двери.

– Кто там? Чего нужно? – громко крикнул он.

– Открывай скорее это я, – послышался из-за двери знакомый голос.

– Чего ломишься? Своего ключа нет? – резко ответил Тимур и открыл дверь.

Из коридора потянуло прохладой. На пороге стоял Игорь, с разругавшимися на морозе щеками и счастливыми горящими глазами.

– Вид у тебя совсем не праздничный! Что мрачный такой? – спросил Игорь.

– Давай без лишних вопросов, – отрубил Тимур.

Как человека, находящегося в дурном расположении духа, его раздражало хорошее настроение соседа.

– Зачем в дверь колотишь? – возмутился Тимур, – что, самому лень отворить?

– Не сердись, дружище. Торопился, поэтому забыл ключ в Протвино, не возвращаться же обратно! – стал оправдываться Игорь, – неужели трудно открыть? Может, разбудил?

– Нет, не разбудил, но бегать по холодному полу босиком – мало радости, ответил Тимур. – Он быстро пересёк комнату, запрыгнул на диванчик и укрывшись пледом.

Игорь тем временем разулся, бросил на пол спортивную сумку, скинул верхнюю одежду и, прихватив полотенце, отправился в душ. Минут через двадцать, распаренный, чисто выбритый, надушенный и явно довольный собой, он ввалился обратно в комнату в одних трусах и с махровым полотенцем на плечах. Подойдя к шкафу, открыл дверцу и, глядя внутрь, о чем-то задумался.

– Тимурентий, решил, где будешь встречать Новый год? – не оборачиваясь, спросил Игорь. – Может, вместе, как в прошлом году? Дуда будет счастлива. Ведь благодаря тебе она впервые в жизни встречала Новый год на Красной площади! Помнишь, как мы здорово повеселились?

– Помню, – нехотя ответил, Тимур, – как в прошлом году не получится, настроения нет.

– Ты всё по Марго сохнешь? – одеваясь, предположил Игорь. – Брось, не горюй, всякое бывает. Что убиваться? Не получилось с одной, познакомишься с другой, в первый раз, что ли? Встряхнись, старина, и давай к нам!

– Спасибо за предложение, – подбревшим голосом ответил Тимур, – не хочу своим дурным настроением испортить вам праздник. Лучше расскажи, что у тебя с дипломом?

– Всё пучком. Вот, глянь, – Игорь бережно достал из сумки свёрток, – могу смело до защиты валять дурака!

– Плакаты и другие материалы тоже подготовил? – поинтересовался Тимур.

– Конечно, давно уже! Седьмого защита. Как говорится, двадцать минут позора, и я молодой специалист, физик-ядерщик! У самого-то как дела?

– Скромнее, – Тимур помрачнел, – только эксперименты поставил, теперь вот данные обрабатываю, надо согласовать с шефом и настрочить диплом. Зато литературный обзор давно готов.

– Шутишь? – глаза у Игоря сделались большими, как у филина, – Офигеть! Когда защита?

– Мне повезло, только четырнадцатого, так что две недели в резерве есть, – спокойно сказал Тимур.

– Обалдеть! За две недели накропать диплом! Не верю своим ушам! Ты настоящий «станхановец». Чего тянул-то до последнего?

– Так получилось, что об этом говорить. Раз надо, значит надо, сдохну, но ко времени сделаю, – уверенно сказал Тимур, разглядывая уже готовый, новенький в красивом переплете диплом соседа. – Скажи лучше, где печатал? Выглядит просто супер!

– Заметил?! – Игорь расплылся в довольной улыбке. – Места надо знать! У нас в Протвино и не такие чудеса, как лазерный принтер, есть!

– Что, в общем, совсем не удивляет. Контора-то у вас богатая! Куда уж нам – простым смертным. Как-нибудь матричным принтером обойдёмся.

– Вот и обходитесь! Дай-ка сюда мой дипломчик, нечего его до поры до времени трепать, – Игорь протянул руку, чтобы забрать свой бесценный «фолиант». – Ладно, я к Дуде. Если всё-таки надумаешь – приходи. Моё предложение в силе!

Игорь бережно завернул диплом в пакет и положил обратно в сумку, закинул её на верхнюю полку шкафа и вышел из комнаты. До слуха донёсся звук захлопнувшейся двери.

Тимур протянул руку к столу и взял будильник.

«Ого! Уже половина девятого. До закрытия столовой всего полчаса, – подумал он, – надо поторопиться!»

На дубовом кресле в центре комнаты небрежно валялись его потёртые джинсы и не совсем свежая футболка. Рядом с креслом стояли выдавшие виды кроссовки, на них лежал почему-то только один носок.

«Что за хрень! Вот всегда так. Когда торопишься, обязательно один носок куда-нибудь денется», – злился Тимур, ползая на карачках и заглядывая во все углы комнаты, выискивая элемент своего гардероба.

Наконец поиски увенчались успехом, но каким образом носок очутился в шкафу, осталось загадкой. Одевшись, прихватив кошелёк, Тимур поспешил в столовую.

Главное здание (ГЗ)

Иногородные студенты естественных факультетов МГУ первые три года учёбы, живут в ФДС (Филиал Дома студента на Мичуринском проспекте). До Главного здания университета, или, как принято называть у студентов, гзушника, пешим ходом отсюда можно добраться минут за десять-пятнадцать. Студентам курса, на котором учился Тимур, несказанно повезло. На год раньше положенного срока их переселили в Главное здание. Произошло это случайно. Когда в третьем корпусе ФДС, где жили физики, неожиданно затеяли капитальный ремонт, выяснилось, что в четвёртом корпусе, куда физиков планировали переселить, ремонт не завершили. В срочном порядке, пока руководство решало, что делать, курс в полном составе на две недели отправили в колхоз «на картошку». По возвращении с осенних полевых работ студентов ждало радостное известие – их поселили в Главное здание. Настоящий подарок судьбы! Корпуса ФДС – пятиэтажки с коридорной системой и удобствами на этаже. Иное дело общежитие в Главном здании, где блок – почти отдельная квартира, состоящая из двух комнат, туалета и душа! Но сталинская высотка притягательна не только своими бытовыми удобствами. Для любого студента университета это место сакральное, со своей особой аурой, историей и даже

легендами. Пожив здесь, можно по-настоящему ощутить себя частью столь притягательного университетского мира.

Тимур жил в Главном здании четвёртый год и давно считался старожилом. Однако волнение от мысли, что посчастливилось стать здешним обитателем, оставалось до сих пор. Поздними вечерами, когда в секторе «А» работали лишь лампы дежурной подсветки, он любил подняться по беломраморной лестнице на второй этаж к актовому залу, чтобы побыть в тишине и уединении. Сидя на широких мраморных перилах рядом с памятником Менделееву, хорошо думалось. К размышлениям располагала таинственная обстановка погружённого в полумрак большого фойе с высокой колоннадой ионического ордера.

Главное здание – город в миниатюре, где соседствуют учебные корпуса, студенческие общежития и даже квартиры профессуры. Здесь своя поликлиника, профилакторий, комбинат питания, кинотеатр, дом культуры, дом быта, спортивный комплекс с бассейном, множество магазинов и даже собственный отдел милиции. При желании можно годами оставаться на территории этого громадного комплекса и не испытывать при этом дискомфорта. Человеку свойственно привыкать ко всему, поэтому со временем на смену первоначальному восторгу приходит глубокая привязанность к этому месту, которая остается на всю жизнь.

Впервые Тимур увидел университетскую высотку, когда дошколёнком приехал в Москву с родителями по туристической путевке. Мальчишку покорило исполинское сооружение, сочетавшее невероятную мощь, красоту и гармонию. Много позже, закончив с отличием среднюю общеобразовательную школу, в сопровождении отца, абсолютно уверенный в своих силах, Тимур приехал поступать в МГУ – лучший, на его взгляд, вуз не только страны, но и всего мира. Причиной огромного желания поступить именно сюда, была детская мечта жить в ошеломившем воображение здании. В памяти навсегда отпечатался волнующий миг, когда он, уже абитуриент, подойдя к входным дверям Главного здания, похожим на громадные ворота храма, прикоснулся к блестящей, словно надраенной, массивной лагунной ручке.

Однако путь в храм науки оказался тернистым. Первая попытка поступления окончилась неудачей. Подвела излишняя самоуверенность. Идти в любой другой вуз Тимур не захотел, несмотря на уговоры родителей. Юношу не сильно пугала, в отличие от многих сверстников, перспектива оказаться в армии. Отслужив положенные два года в рядах вооружённых сил, посвятив всё свободное время подготовке, он поступил-таки на физический факультет МГУ.

Столовая

Комната, где жил Тимур, находилась на седьмом этаже, поэтому спуститься пешком в столовую не составляло особого труда, но лень победила. Тимур остановился в холле и стал дожидаться лифта.

«Топать по лестнице неохота, а в столовку и так успею», – решил он, глядя в окно, за которым всё ещё кружил снегопад.

– Привет! Давно ждёшь? – донесся из-за спины знакомый голос.

Тимур повернулся. Навстречу, широко улыбаясь, шёл Рудольфо.

– Привет! – Тимур протянул руку, чтобы поздороваться. – Нет, только подошёл. Что, в столовую собрался?

– Куда ещё в такую рань можно идти? Ты тоже туда? – поинтересовался Рудольфо и сразу предложил: – Давай вместе, вдвоём веселее.

Тимур кивнул в ответ. Совсем скоро шумно открылись двери подъехавшего лифта, в который успело набиться столько народу, что Тимур и Рудольфо едва смогли втиснуться. Лифт замер, словно решая, есть перегруз или нет, потом с грохотом закрыл свои тяжёлые двери и тронулся.

Интерьерам студенческих столовых, которые располагаются в цокольном этаже здания секторов «Б» и «В», могут позавидовать многие столичные рестораны. Просторные залы, пар-

кет, до блеска натертый мастикой, внушительные прямоугольные колонны, с мраморной отделкой внизу и нарядными капителями вверху, кессонные потолки, стены, украшенные пилястрами, великолепные люстры, светильники и бра с латунным декором создают впечатление дворцового интерьера. Благодаря огромным окнам днём здесь всегда светло и много воздуха. И только небогатая меблировка и казённая сервировка напоминают, что находишься не на приеме в царской резиденции, а всего лишь в студенческой столовой.

Кроме студенческих, в Главном здании есть и две профессорские столовые, в просторечье «профессура», которые находятся на втором этаже сектора «А» рядом с фойе актового зала. Сюда можно подняться по парадным лестницам, отделанным белоснежным каррарским мрамором. Назвать «профессуру» столовой можно, но с большой натяжкой. По сути это настоящие рестораны с обходительными официантами и богатым меню. Пообедать здесь могут и студенты, но обед обходится в среднем раза в два дороже, а места предоставляются только после преподавателей. Тимур и Рудольфо при случае, когда позволяли средства, любили побаловать себя роскошным обедом в «профессуре», но поскольку она открывалась только в одиннадцать часов, путь их лежал сейчас в студенческую столовую.

Рудольфо

Тимур познакомился с Рудольфо на первом курсе. Волей случая их поселили в одной комнате общежития. Помимо Тимура и Рудольфо, в комнате за номером 204 оказались горячий сын гор Володя из Дагестана и флегматичный русоволосый помор Андрей. На третьем курсе пути-дорожки, обитателей комнаты 204 разошлись. Андрей по непонятным причинам бросил университет и уехал на родину, в Архангельск, а Володю отчислили за неуспеваемость. Тимур, по счастливому стечению обстоятельств, вместе со всем остальным курсом перебрался в Главное здание. Ну, а Рудольфо, к этому времени успевший жениться, поселился в общежитии для семейных пар – ДСК (Дом студента на улице Кравченко).

Переступив порог комнаты 204, первое, что увидел Тимур – стоящего посреди номера, раздетого по пояс высокого худощавого парня, с большим медицинским пластырем на боку. У ног незнакомца валялся пустой импортный чемодан синего цвета, а сам он с тоской смотрел на кровать, где кучей громоздились вещи.

«Похоже, что иностранец и не сильно дружит со спортом», – отметил Тимур, смерив взглядом нового знакомого и будущего соседа по комнате.

То, что перед ним иностранец, Тимур понял сразу, и дело тут даже не в разбросанных на кровати вещах явно не отечественного производства. Больше всего зарубежных гостей выдаёт не внешний вид и даже не речь. Иностранца легко вычислить, ещё до того, как тот откроет рот. Главная отличительная черта иноземца – взгляд. Нашим соотечественникам хорошо знакомо это выражение лица, кажущееся чуть придурковатым то ли от того, что без всякого повода с него не сходит фальшивая улыбка, то ли от постоянного удивления, которое без труда читается в глазах.

Распознав в молодом человеке иностранца, Тимур ошибся в другом предположении. Рудольфо, хоть и не походил внешне на античного героя, позже зарекомендовал себя отличным спортсменом, выступая на многочисленных соревнованиях в составе баскетбольной команды университета. Тимура удивляло, что при таком росте, худобе и нескладности можно обладать столь великолепной пластикой и отличной координацией. Рудольфо, как истинный аргентинец, не просто любил, но и фантастически играл в футбол! Недаром летом в стройотряде, изнывая от зноя и отсутствия нормальной питьевой воды в сухих казахских степях, бойцы студенческого отряда присвоили Рудольфо почётное звание Наш Марadona – за феноменальную технику и результативность в игре.

Дружеские отношения Тимура и Рудольфо сложились сразу. На первых порах Тимур по своей инициативе взялся помогать аргентинцу. Приятели учились в параллельных группах,

но, поскольку программа на первом курсе одна, и различие лишь в том, кто ведёт семинары или читает лекции, то подсобить товарищу не составило особого труда. Рудо (так его стали величать сокурсники) благодаря своим способностям, настойчивости и прилежности, уже к третьему курсу стал одним из самых успевающих студентов.

Студенческие судьбы друзей оказались на удивление схожими: одногодки, учились на отлично, спортсмены. И оба пользовались неизменным успехом у девушек. Правда, что касается спорта, Тимур не играл в баскетбол, а считался одним из первых номеров в сборной университета по боксу. Приятелей объединяло и то, что до поступления в университет они успели отслужить в армии. Больше того, Рудо ещё и на войне побывать умудрился! Правда война с Англией за Фолклендские (Мальвинские) острова оказалась совсем недолгой и, на радость Рудо, быстро проигранной Аргентиной. По иронии судьбы в конце учёбы, даже кризисы в личной жизни у них случились почти одновременно.

Тимур с подачи Рудо много общался с иностранцами, которых в университете всегда хватало. Главными друзьями самого Рудо были ребята, в одной группе с которыми он изучал русский язык на подготовительном отделении, обязательном для иностранцев. Учились все по одной программе, но результаты сильно отличались. Так, один из уникалов – Мигель, португальский товарищ, уже через год на русском лопотал без малейшего акцента. Тимур не мог поверить в то, что до приезда в нашу страну Мигель не знал ни слова по-русски. Обратный пример – Серхио, земляк и друг Мигеля, который за семь лет пребывания в университете так и не смог научиться сколько-нибудь понятно изъясняться по-русски. Сам Рудо освоил язык очень хорошо, не в пример Серхио, но, в отличие от Мигеля, акцент у него всё же присутствовал.

Общение с иностранцами оказалось весьма познавательным. Какие-то вещи в укладе и представлениях студентов из-за рубежа ничем не отличались от привычных, но встречались и такие, которые казались Тимуру дикими. Впрочем, и у гостей страны часто возникали сложности в понимании абсурдных, по их мнению, сторон нашей жизни. Мало что знавший о СССР Рудо оказался студентом МГУ совсем не случайно. Это стало возможным благодаря хорошо продуманным действиям его отца, члена аргентинской компартии, у которого появилась возможность отправить сына в Москву. Получить отличное образование бесплатно, чтобы потом хорошо устроиться у себя на родине, – выгодное предприятие, которым грех было не воспользоваться.

Самая отталкивающая черта студентов из капстран – меркантильность. Тимур не питал иллюзий насчёт обаятельного аргентинца. Впрочем, Рудо и не скрывал, что приехал в СССР не из-за любви или интереса к нашей стране. Такой же «шкурный» интерес руководил почти всеми прибывшими в страну на обучение выходцами из развивающихся и капиталистических стран. Намного приятнее казались ребята из соцстран, и особенно выделялись среди них кубинцы – то были настоящие романтики. Своей открытостью, жизнерадостностью и искренней, почти детской верой в победу социализма в мире кубинцы вызывали симпатию. Тимур заметил, что многие «капиталисты» за время учёбы сильно менялись. Так произошло и с Рудо, который прибыл из меркантильных соображений, но за семь лет пребывания в стране проникся тёплыми чувствами и к университету, и к сокурсникам, среди которых нашёл много настоящих друзей.

Рудо как-то поделился с Тимуром тем, что его больше всего поразило в далёкой и загадочной стране. Аргентинец откровенно признался, что нигде больше не видел столько красивых девушек, как у нас. Впрочем, в этом открытии Рудо не был оригинален. То же самое повторяют почти все иностранцы. Как человек с горячим южным темпераментом, в крови которого в равных пропорциях смешалась итальянская, испанская и португальская кровь, Рудо сгорал от желания и интереса к лучшей половине человечества. С первых дней, ещё толком не научившись говорить по-русски, он проявил большую прыть в общении с прекрасным полом. Если

учесть, что наши соотечественники чрезвычайно падки на иностранцев, то вполне прогнозируемый успех, поначалу ошеломивший и самого аргентинца, был ему обеспечен.

Однако главным ловеласом курса считался Мигель – настоящий Казанова, будто сошедший со страниц романа и принявший современный облик. Любвеобильный португалец был чрезвычайно хорош собой, очень нравился девушкам, часто и искренне влюблялся сам и легко влюблял в себя. Он менял девиц с невероятной лёгкостью, чуть ли не каждый день, на что с удовольствием тратил и силы, и время, которого для учёбы почти не оставалось, но это обстоятельство мало волновало пылкого португальца. Как результат, в конце первого курса за систематическую неуспеваемость без особых церемоний незадачливого Казанову вполне заслуженно вытурили из университета. Недолго погоревав, Мигель какими-то путями оперативно пристроился в институт физкультуры, где и продолжил заниматься любимым делом, т.е. покорением женских сердец, но уже среди крепкотелых спортсменов. Впрочем, и об университете он не забывал. К друзьям навещался регулярно, а заодно, по старой памяти, достаивал вниманием своих прежних пассий.

Даля

Второй курс на факультете – благодатное время, когда учебные нагрузки стали привычными, круг общения сложился, а студенческая жизнь устоялась.

Вслед за первым бурным этапом в личной жизни Рудо, сопровождавшимся многочисленными амурными победами, пришло время, когда он, подобно мастеру, как говорят боксёры, бил уже не по площадям, а на выбор. Частота знакомств с девушками пошла на спад, а количество незаметно перешло в качество – появились постоянные партнёрши.

В комнате ни для кого не было секретом, что Рудо одновременно крутит романы с четырьмя девицами. Наверное, не только Тимура удивляла та лёгкость, с которой иностранные ребята, впрочем, как и девушки, строили свои ни к чему не обязывающие отношения. Чужие амурные успехи обычно раздражают мужчин и вызывают ревность, но Тимур, сам не обделённый женским вниманием, не привык лезть в личную жизнь друзей, и поэтому его не волновали любовные похождения Рудо. Однако невольным свидетелем ситуаций, в которые попадал неугомонный ловелас, Тимуру приходилось становиться не раз. Однажды три из четырёх пассий аргентинца одновременно явились в общежитие. Как произошла такая накладка, непонятно: то ли сам Рудо случайно пригласил девушек в одно и то же время, то ли девушки проявили инициативу. Перепуганный мачо носился по общежитию, пытаясь скрыться от нагрянувших любовниц. Тимур, Володя и Андрей тем временем стойко держали оборону и поочередно бессовестно врали барышням, что Рудо уехал в посольство своей страны по очень важному делу. После такой накладки Рудо стал смотреть на отношения с девушками чрезвычайно серьёзно. В связи с чем составил специальное расписание встреч, которому строго следовал, чтобы в будущем не попасть в неловкую ситуацию. Рудо, окружённый женским вниманием, продолжал купаться в безбрежном океане искренней непроданной любви. Всех обитателей комнаты удивляло, как просто давали себя обманывать девушки. По-видимому, каждая из них искренне верила, что именно она единственная в жизни аргентинца. В силу воспитания Тимур даже представить себя не мог на месте Рудо, морочившего голову нескольким барышням одновременно. В стране развитого социализма «сексуальная революция» ещё не успела пройти катком, однако небольшие очаги этой революции уже присутствовали в лице иностранных студентов, которые своим примером потихоньку размывали представления о границах дозволенного.

Рано или поздно, но всему приходит свой срок. На втором курсе, после быстро промелькнувших зимних каникул, Рудо отправился на дискотеку к филологам. Мероприятие проходило в ДСВ (Дом студента на Вернадского) и закончилось для аргентинца, как обычно, знакомством с очередной белокурой красавицей. Из разговора в ритме «медленного» танца, выяснилось, что у новой знакомой нехарактерное для русских девушек имя – Даля, и она родом из Виль-

нюса. Все жители нашей страны для иностранцев – русские, и им сложно объяснить, что это не совсем так. Особенной ревностью к вопросу национальной принадлежности отличались, как ни странно, мало эмоциональные жители советской Прибалтики. Стройная синеглазая литовка училась на втором курсе юридического факультета и только что успешно закрыла очередную сессию.

Знакомство оказалось совершенно случайным для Рудо, чего нельзя сказать о Дале, которая, несмотря на нежный возраст (в начале августа её ждал первый в жизни взрослый юбилей – двадцатилетие), хорошо знала, чего хочет в жизни. Она сильно отличалась от романтических девушек, с которыми до этого крутил свои бурные романы Рудо. Своей прагматичностью и меркантильностью Даля могла дать фору любому иностранцу.

Отца Даля никогда не видела, только со слов мамы знала, что этот нехороший человек бросил их. На самом деле законного отца у девушки никогда и не было. В своё время мать долго подыскивала выгодную партию, но так ни на ком и не остановила выбора. Когда стало понятно, что замуж поздно, решила завести ребёнка для себя. Так и появилась на свет светловолосая и голубоглазая девочка. Мать чуть ли ни с детства внушала дочке мысль о выгодном браке с богатым иностранцем, перед которым самые успешные в отечестве люди бедны как церковные мыши. Даля оказалась умной девочкой и прислушалась к советам мамы.

Окончив среднюю школу с золотой медалью, девушка по «национальному» набору поступила на юридический факультет МГУ. Выбор вуза и факультета оказался не случайным. Получить хорошее образование Даля могла и в родном городе, но главную задачу, которую она ставила перед собой, решить в большом, но, по сути, провинциальном Вильнюсе казалось нереальным.

С первого дня пребывания в университете Даля прилежно училась и вела большую общественную работу, сделавшись членом студенческого комитета. Бурно протекала и личная жизнь девушки, которая никак не вязалась с её внешней холодностью и сдержанностью. Даля много общалась, легко заводила романы и так же легко, без сожалений, расставалась с людьми, которые не оправдывали ожиданий. Пользуясь красотой и обаянием, могла без особых усилий очаровать любого заинтересовавшего молодого или не очень молодого человека. Дальше, в зависимости от того, насколько интересен избранник, допускала до ложа или просто дурачила. Поклонников хватало, но в главном не везло – не было достойных кандидатур. Проблема состояла в том, что иностранцы на гуманитарных факультетах встречались редко, а те, кто попадался – стажёры и преподаватели, – приезжали или на непродолжительный срок, или с семьями. Львиная доля студентов-иностранцев в МГУ училась на естественных факультетах, которые, в отличие от гуманитарных, во все времена котировались за рубежом.

Кто видит цель, действует решительно и умеет ждать, тот обязательно добьется своего. Как-то, случайно услышав восторженный рассказ подруги о знакомстве с высоким красавцем из Буэнос-Айреса, Даля заинтересовалась. Встречи с мечтой долго ждать не пришлось. Очень скоро аргентинец в очередной раз появился на дискотеке в их общежитии. Дале представился случай, и она легко обратила на себя внимание молодого человека. После того как отзвучала музыка белого танца, завершавшего дискотеку, и народ медленно потянулся к выходу, Даля, изображая восторг, застенчиво глядя в пол и краснея, пригласила воодушевлённого мачо к себе в гости, пообещав угостить прекрасным кофе. Повторять предложение не пришлось. Рудо с удовольствием проглотил наживку и приглашение девушки с радостью принял.

Иногда трудно поверить в то, что совсем не значительная, на первый взгляд, вещь может кардинально изменить дальнейшую жизнь. Рудо, поднимаясь в гости к новой застенчивой и скромной знакомой, ни о чём серьёзном не помышлял.

По своему уже не малому опыту Рудольфо знал, что местным девушкам требуется какое-то время, чтобы привыкнуть к новому человеку и не показаться легкодоступной, а уже потом идти на близкие отношения. Когда он только появился в незнакомой стране и стал налаживать

связи с прекрасным полом, его немало удивляло странное желание местных нимф придать черты приличия тому, что этого, в общем, и не требовало.

– Я не такая! – не раз слышал он волшебную фразу из уст барышень, когда пытался ускорить события и придать отношениям более неформальный характер.

Почему так говорили девушки, и что значило это магическое выражение, понять Рудо так и не смог, ведь иногда фраза звучала из уст красавицы и после того, как всё произошло!

Рудо немало удивило, когда, поднявшись на этаж и войдя в чисто прибранную и со вкусом обставленную комнату отдельного блока, он обнаружил, что в ней только одна кровать! Ещё больше поразило, когда Даля, ничего не говоря, вышла в прихожую и заперла входную дверь в блок на ключ, а потом подошла зачем-то к шкафу.

– У тебя здесь очень уютно, совсем как дома! – внимательно оглядывая комнату, сказал Рудо, – а какой кофе будем пить? – спросил он, переведя взгляд на девушку.

– Кофе будем пить, как это и принято, утром, – грудным низким голосом, совсем не похожим на тот, что ласкал слух аргентинца пятью минутами раньше, ответила девушка. Рудо опешил. Даля мягко ступая, словно кошка, подошла к нему и протянула белоснежное полотенце.

– Иди в душ первый, – спокойно глядя в глаза удивленного аргентинца, негромко произнесла Даля, – я пока приготовлю постель...

Игорь

Человек, впервые оказавшись в Главном здании МГУ, может легко заблудиться. Бесконечная череда помещений с одинаковыми дверьми, переплетения лестниц и коридоров напоминают запутанные ходы огромного лабиринта.

Игорь быстро шёл кратчайшей дорогой по давно знакомым переходам между секторами здания. Путь держал к ненаглядной пассии. Все, кто близко знал Игоря, поражались, как Дуде за короткий срок удалость приручить такого отъявленного гуляку и бабника, каким до этого слыл молодой человек.

Тимур и Игорь на одном курсе очутились случайно. Если Тимур после первой неудачной попытки поступления в университет отправился в армию, то Игорю повезло больше: окончив школу, он сразу поступил на физический факультет МГУ. Однако в конце второго курса перед Игорем встал выбор: либо его отчислят за неуспеваемость, либо он добровольно отправится в армию. Игорь из двух зол выбрал службу в армии. Через два года, не сказать, чтобы доблестной службы в рядах вооруженных сил, он восстановился на факультете. Так, чудесным образом, Игорь и Тимур оказались не только сокурсниками, но позже очутились в одной комнате общежития.

Есть мнение, что характеры людей, родившихся под одним знаком зодиака, должны быть схожи. Возможно, так оно и есть, но в случае Игоря и Тимура этого сходства не наблюдалось вовсе. Более непохожих людей найти сложно: если один упорно грыз гранит наук, был дисциплинирован и целеустремлён, то другой учился от случая к случаю, отличался безалаберностью и легко переключался с одного дела на другое.

Тимура поражало, как Игорь вообще может оставаться на физическом факультете с таким отношением к учёбе. Игорь, в свою очередь, подшучивал над другом из-за его чрезмерной серьёзности в любых вопросах, касалось это личных дел или учёбы. Возможно, эта непохожесть и делала общение соседей по комнате интересным. Несмотря на все различия, были и общие интересы, прежде всего – музыка. Игорь слыл большим поклонником и тонким ценителем джаза, а Тимур предпочитал поп, рок и отчасти классику. Правда, долгое общение с Игорем не прошло бесследно. Тимур совсем не заметно для себя тоже сильно увлёкся джазом. В том, что касается музыкальной культуры, Игорь считался весьма осведомлённым человеком, поскольку не только успешно окончил музыкальную школу, но даже собирался поступать в консерваторию! Однако по непонятным, одному ему известным причинам, изменил реше-

ние и стал, неожиданно даже для родителей, студентом физического факультета. Музыкальная карьера суждена была младшему брату, который и сделал то, чего родители ждали от Игоря, – поступил в Московскую консерваторию.

Закадычными друзьями Игорь и Тимур не считались, но отправиться куда-нибудь развлечься на пару любили. Чаще всего вместе ходили на дискотеки. Танцевать обоим нравилось, но главное на студенческих вечеринках – знакомства. В этом смысле приятели хорошо дополняли друг друга. Девушки, с которыми им случалось знакомиться, могли выбирать: раздолбая – в лице одного или серьёзного – в лице другого. Удивительно, но девушки, которые нравились Игорю, почти всегда останавливали свой выбор на Тимуре, и наоборот: те, кто приглянулись Тимуру, почему-то отдавали предпочтение Игорю. Друзья спокойно относились к этому феномену и никогда не соперничали из-за девчонок.

С Дудой произошла обычная для приятелей история. На очередном концерте, не понятно чему посвященном, проходившем в доме культуры МГУ, Тимур обратил внимание на жгучую брюнетку с большими и подвижными карими глазами. Захотел познакомиться. Однако прежде следовало дожидаться окончания концерта. То, что происходило на сцене ДК, мало интересовало присутствующих в зале. На подмостках активно само выражалась местная группа «Несчастный случай». Ребята своим выходом завершали праздничный концерт, но к неудовольствию зрителей как-то не очень торопились покинуть сцену. Выступление восторга не вызывало, но артисты просили ещё чуточку внимания, чтобы исполнить свои новые шедевры. Для публики значения не имело, новое звучит произведение или старое, потому что и сама группа, и её творчество, мало кого интересовали. Все зрители с нетерпением ждали финала уже порядком затянувшегося концерта и начала дискотеки. Концерт – удобное место для смотрин, поэтому в зале и наблюдался аншлаг. В освещённом помещении можно хорошо друг друга разглядеть. Большая часть молодых людей именно этим и занималась. Как только концерт закончился, народ дружно повалил к выходу, не обращая внимания на музыкантов, благодаривших со сцены публику больше за долготерпение, чем за внимание.

Тимур старался не потерять девушку из вида, а звуки дискотеки уже доносились из холла. При первом удобном случае Тимур пригласил очаровательную незнакомку на танец. Дуда отреагировала на оказанное ей внимание благосклонно, но без энтузиазма и больше из вежливости, чем из-за симпатии к притккому молодому человеку. Всё изменилось, когда к середине дискотеки подтянулся Игорь. Он высмотрел в толпе скачущего под музыку Тимура и направился к нему. Когда Дуда увидела Игоря, приближавшегося вальяжной походкой, её как будто закоротило. Девушка заволновалась: щеки стали пунцовыми, в больших черных глазах вспыхнули огоньки. Тимур с интересом наблюдал за столь неожиданным преображением девушки, которое не мог скрыть даже полумрак, царивший на дискотеке. Волнение, охватившее Дуду, чувствовалось во всем, но особенно проявилось в голосе. До того спокойный и ровный, он стал нарочито громким, как будто девушка хотела привлечь внимание только что подошедшего Игоря.

Тимур представил Игоря девушке и благородно уступил право медленного танца, чем вызвал неподдельную радость Дуды, которую она не могла скрыть. Когда же Тимур повторно, на правах старого знакомого, танцевал с Дудой, девушку словно подменили. Взволнованная, весь танец она только и расспрашивала партнёра об Игоре. После того как медленный тур, показавшийся Тимуру сколь бесконечным столь же и неприятным, закончился и все дружно запрыгали в кружке под ритмичную музыку, Тимур незаметно шепнул приятелю:

– Игорёк, девчонка на тебя запала, – и, переводя дыхание, добавил, – сегодня, думаю, ночевать дома не будешь...

Слова друга Игорь всерьёз не принял и ничего особенного в поведении новой знакомой не заметил. Впрочем, и не особо старался, поскольку девушка не произвела впечатления.

– Брось, с чего ты взял?– равнодушно ответил Игорь, – один танец ничего не решает, ты же не мальчишка, сам знаешь.

– Знаю, потому и говорю! Но, помяни моё слово, сегодня тебя ожидает сюрприз... – настаивал Тимур.

И оказался провидцем. Игорь вернулся в комнату только на следующее утро не выспавшийся, но очень довольный.

С того самого дня, а точнее, вечера, Игорь не расставался с Дудой, которая бульдожьей хваткой вцепилась в него и не отпускала от себя ни на шаг. Впрочем, Игорь не особо этому противился.

Дуда

Оконные жалюзи прикрыты, в комнате тихо и царит полумрак. На кровати, свернувшись комочком, укрывшись с головой пуховым одеялом, спит Дуда. Накануне, как обычно, она засиделась за учебниками почти до самого утра. Мехмат всегда числился в ряду самых трудных, но и самых престижных факультетов университета. Выпускники механико-математического факультета заслуженно высоко ценятся не только в нашей стране, но и за её пределами. Для родителей выбор будущей специальности дочери казался вполне логичным. Дуда проявляла недюжинные способности и большой интерес к математике со школьной скамьи. Однако для родителей стало большой неожиданностью желание дочери продолжить образование на мехмате МГУ. Дуда, несмотря на свою молодость, внешнюю хрупкость и кажущуюся незащищенность, отличалась рассудительностью, волевым и целеустремленным характером. С ранних лет она привыкла всегда и во всём первенствовать. Хорошо подумав, Дуда решила, что получать образование следует в вузе, математическая школа которого признана в мире. Ни для кого не секрет, что русская математическая школа всегда считалась одной из лучших. В пользу МГУ сыграло и то обстоятельство, что в школе Дуда изучала русский язык. Две самые близкие подруги Дуды, её землячки, тоже учились в МГУ, но на других факультетах. Вообще в университете студентов, аспирантов и стажеров из Югославии хватало, так что девушка чувствовала себя здесь весьма комфортно, почти как дома.

Внимания Дуды старались добиться многие, но без особого успеха. И даже рослый красавец Иован, аспирант-физик, которого девушке прочили в женихи, не вызывал особенных чувств. Родители молодых людей работали преподавателями в одном университете, дружили семьями и не теряли надежды, что дети проявят интерес друг к другу. И вот такой поворот: примерная девушка влюбляется в шалопаю. Впервые взглянув на Игоря, казавшегося воплощённым идеалом девичьих грез, с лицом и статью античного героя, Дуда обомлела. Если рассуждать здраво, то девушке гораздо больше подходил Тимур. Но вот парадокс: хорошие девушки любят плохих парней. Конечно, Игоря назвать по-настоящему «плохим» парнем нельзя. Просто не очень организованный и авантюрный человек.

Игорь своим ключом постарался тихо открыть входную дверь, чтобы не потревожить сон подружки. Он давно привык к тому, что Дуда засиживается над учебниками далеко за полночь, а потому и встаёт поздно. Игорь и сам любил ночной образ жизни, но в его случае это мало касалось учёбы. Однако, как ни старался Игорь, все предосторожности оказались тщетны: плохо смазанные петли тяжёлой дубовой двери предательски закрипели. Дуда, несмотря на большую усталость, спала чутко, а потому сквозь сон сначала услышала тихий щелчок замка, а потом и привычный скрип двери.

– Игорёчек, это ты? – послышался её голос.

– Да, я, – ответил Игорь полушёпотом, – не беспокойся, спи...

Он быстро разделся, тихо, на цыпочках, подбежал к кровати и нырнул под одеяло, нежно обняв тёплое и расслабленное тело подружки.

– Ой, какие у тебя холодные ноги! – вскрикнула Дуда сквозь сон, ластясь и устраивая поудобней свою голову на груди любимого, покрытой кудряшками волос. – Ты не замерз?

– Нет, дорогая, – шёпотом ответил Игорь, часто поглаживая густые и растрепанные волосы девушки, нежно целуя плечи, шею и щеки.

– Игоречек, давай ещё поспим, хорошо? – с затаённой надеждой произнесла Дуда, предчувствуя, что темпераментный партнёр может и не ограничиться поцелуями.

– Да, да, конечно, поспим, – успокаивал девушку Игорь, продолжая свои ласки, на которые невозможно было не откликнуться.

Дуда сначала робко, а потом всё активнее отвечала на нежные прикосновения и уже скоро, отбросив остатки утренней дрёмы, всецело отдалась безудержной страсти, поглотившей обоих...

Усталые и счастливые, крепко обнявшись, они лежали на широкой кровати. На лице блаженствующего Игоря застыла глупая улыбка.

– Почему ты улыбаешься? – спросила Дуда.

– Да, так, вспомнилось кое-что, – лениво ответил Игорь, не особо желая продолжать разговор, хотелось просто лежать и наслаждаться тишиной, чувствуя нежные прикосновения мягких рук подружки.

– Ну всё-таки, – не унималась Дуда, – о чём ты думаешь и почему улыбаешься? Может что-то со мной связано? – предположила она и надула губки.

– Можно подумать, видишь закрытыми глазами? – ответил вопросом на вопрос Игорь, но быстро сдался, зная характер девушки. – Анекдот тут один вспомнил.

– Расскажи, если, конечно, он не пошлый! – попросила Дуда. – Ну, пожалуйста, Игоречек!

– Вроде не пошлый, но ты можешь не понять смысла, – предупредил Игорь, – он достаточно специфический, и не всякий иностранец сообразит, в чём соль. Хорошо, слушай.

«После долгой разлуки (с женой), после кочевий со стадами оленей, чукча вернулся домой. Сидя у костра, друзья спрашивают чукчу, что он сделал вторым делом, когда пришел к себе в ярангу. Снял лыжи, – ответил чукча».

– Это анекдот? – не скрывая разочарования, спросила Дуда. – Что здесь смешного?

– Предупреждал – не поймешь юмора. Ну, сама хорошо подумай! Чукче задали вопрос, что он сделал вторым делом, после того как пришёл домой, а он отвечает: «Снял лыжи».

– Ну и что?

– Как что? А первым делом, как думаешь, он что сделал?

– Ну как что? Наверное, дверь открыл...

– Да нет же! В яранге нет никаких дверей... Первым делом, он любил свою жену, которую долго, очень долго не видел... – попытался разъяснить Игорь.

– Это как? Не снимая лыж, что ли? – переспросила Дуда в совершенном недоумении, читавшемся в её чёрных глазах. Но в следующее мгновение, сообразив, громко рассмеялась: – Так ты, – давась от смеха, едва выговорила девушка, – как тот чукча...

– Ну конечно, моя догадливая, – улыбнулся Игорь, и прижал к груди заходящуюся от смеха девушку.

Когда наконец Дуда успокоилась, стали обсуждать события минувшей недели, которую вынужденно провели порознь: Игорь готовил диплом в Протвино, а Дуда не покидала пределы гзушника, готовясь к сдаче очередной судьбоносной сессии. Дуда окончательно проснулась и непрерывно что-то лопотала, стараясь не упустить никаких нюансов скопившихся за неделю новостей. Игорь отвечал редко и едва удерживался от того, чтобы не заснуть. Сильно сказывался ранний подъём и двухчасовая тряска в рейсовом автобусе. Глаза Игоря предательски слипались. Что возбуждённо тараторила подружка, он почти не слышал. Отвечал невпопад «да» или «нет». Дуда этого не замечала и увлеченно продолжала говорить.

– Игорёчек, помнишь, как в прошлом году здорово встречали Новый год прямо на Красной площади, куда нас потащил Тимур?– вспоминала Дуда, мечтательно закатив глаза. – Как это прекрасно и весело было!

– Да, – на автомате, уже почти отключаясь, буркнул Игорь.

– Что, если в этом году тоже всем собраться и выпить шампанское под бой курантов на Красной площади? – предложила Дуда. – Игорёчек? Что ты на это скажешь?

– Вместе не получится, – собрав остатки сознания, ответил неугомонной собеседнице Игорь, – Тимур, похоже, в трауре и будет встречать Новый год в полном одиночестве...

– Как? – изумилась Дуда, – всё-таки расстался с Ритой? Жаль! Они очень подходили друг другу. И почему так получилось? Не знаешь подробностей? Расскажи, что произошло. Ведь дня друг без друга не могли прожить! Неужели разлюбили? – предположила девушка. – Может быть, ты меня тоже разлюбишь? Скажи, можешь меня разлюбить? Но в ответ услышала лишь сладкое посапывание.

Дуда приподняла голову с мерно вздымающейся и опускающейся широкой груди и поняла, что ответа не услышит, поскольку Игорь спал. Дуда никак не могла привыкнуть к тому, что её молодой человек, мог вот так, в одно мгновение, иногда даже не договорив фразы, провалиться в глубокий сон, оставив наедине со своими мыслями...

«Ну вот, меня разбудил, растревожил, а сам взял и уснул», – с досадой подумала Дуда.

Мечтательно глядя то на люстру молочного цвета, висевшую почти под самым потолком, то на жалюзи, сквозь которые пробивался солнечный свет, она думала о приятных вещах, ждущих в праздничный день. Тишину комнаты нарушало негромкое, монотонное тиканье настенных часов с кукушкой. На душе стало уютно и спокойно. Дуда нежно обняла блаженствующего Игоря, стараясь прижаться сильнее, и очень скоро задремала...

Семейная жизнь

Всё получилось так, как и хотела Даля. Чем взяла Рудо белокурая красавица – осталось секретом. Но девушка очень скоро отвалила горячего латиноамериканца от прежних пассий. Перемены в поведении аргентинца не остались незамеченными. Соседи по комнате обратили внимание, что жизнь Рудо совершенно преобразилась: перестали появляться в гостях девушки, к которым все успели привыкнуть, оказался куда-то заброшен график регулярных встреч с подружками.

Тимур казался, что перемены, происходившие с другом, не к лучшему. Из независимого, обаятельного и любившегося гулять парня Рудо на глазах превращался в образцового подкаблучника, не смеявшего ни в чём перечить желаниям своей новой дамы сердца. Когда Тимур впервые увидел Дालю, несмотря на всю внешнюю привлекательность девушки, и её попытки произвести хорошее впечатление, эффект получился обратный. У Тимура отчего-то возникла стойкая неприязнь к новой знакомой.

– Даля не так проста, как это может показаться, и не та, за кого себя выдаёт, – как-то вечером, лёжа в кровати и собираясь отойти ко сну, поделился своими наблюдениями Тимур.

– Ты просто мало знаешь, – ответил, расплывшись в белозубой улыбке аргентинец, копясь в шкафу и тоже готовясь лечь отдыхать, – это только так кажется, но она очень добрая и внимательная.

– Согласен, девушку не знаю, но сам-то когда успел хорошо узнать? Встречаетесь всего ничего? Объяснить сейчас не могу. Возможно, и ошибаюсь. Но не теряй головы, – посоветовал Тимур другу.

Даля, добиваясь своей цели, искренне считала, что поступает правильно. Девушку ничуть не смущало, что к Рудольфо она особых чувств не испытывает. Главное – появилась возможность уехать навсегда за границу, и глупо этот шанс упускать. В дело был пущен весь арсенал оболъщения: чувственность, изысканный внешний вид, свобода отношений и demonstra-

тивная привязанность. Что же Рудо? Подобно зверьку из сказки Андерсена, потеряв всякую волю и остатки благоразумия от звуков волшебной флейты, он добровольно шёл в омут. Уже через пару месяцев Рудольфо оказался в полной власти девушки. Финальной точкой стала летняя поездка в Вильнюс. Мать девушки оценила выбор дочки и принялась активно обхаживать потенциального зятя. Рудо покорила не только радушный приём, оказанный родственниками Дали, но и сам город. Вильнюс понравился своей чистотой, ухоженностью и неспешным ритмом жизни, так не похожим на московскую суету. Немало удивило Рудо и чрезвычайное дружелюбие здешних жителей, которое, впрочем, легко объяснялось тем, что в нём без труда распознавали иностранца. Осенью на третьем курсе, когда Тимур переселялся в Главное здание, а Володя и Андрей покинули альма-матер, околованный Рудо уже обживался с молодой супругой в семейном общежитии на улице Кравченко. Скоро у молодых появился мальчик, в котором Рудо души не чаял. Всё сложилось как нельзя лучше, и каждый получил, чего хотел: Рудо – сына, внимание и заботу молодой жены и услужливой тётки, а Даля – перспективу обосноваться навсегда за границей. Казалось, что пара сложилась и оба нашли свое счастье.

Два года, минувших со времени женитьбы Рудо, пролетели быстро. Как это ни удивительно, но семейная жизнь аргентинца удалась. Тимур не мог поверить своим глазам, но Рудо за короткое время из беспечного гуляки, склонного к частому адюльтеру превратился в примерного семьянина и заботливого отца. Такое радикальное преобразование друга никак не укладывалось в голове, и возникал вопрос: «Тот ли это вообще человек, которого я до сих пор знал?» Даля удивляла своим поведением и отношением к супругу не меньше.

«Неужели ошибся в оценке Дали?» – думал Тимур, искренне радуясь, что оказался неправ в своём предположении.

Наступило лето. Рудо с блеском закрыл последнюю сессию в своей студенческой жизни и перешёл на шестой курс. На физическом факультете последний курс длится один семестр, заканчивается в январе и целиком посвящён написанию дипломной работы. Рудо после окончания летней сессии, по сложившейся традиции, на два месяца отправился в стройотряд. Если раньше, до женитьбы, денежная сторона вопроса поездок в студенческие стройотряды не носила определяющего характера, то теперь – всё иначе. За лето в стройотрядах студенты хорошо зарабатывали и обеспечивали безбедную жизнь на весь учебный год. Рудо считал, что должен содержать семью, у него подрастал сын, которому шёл второй год, и поэтому денежный вопрос стоял довольно остро. Мальчик рос буквально не по дням, а по часам, намного опережая сверстников. Даля шутила, что родила мужу второго Сабониса (знаменитый литовский баскетболист). Рудольфо не мог на него нарадоваться и немного грустил от мысли, что на целое лето будет вынужден расстаться с малышом. Даля, свободно владевшая английским языком, на лето осталась в Москве, чтобы пополнить семейный бюджет, подрабатывая гидом, а сына на время отправила к маме.

Дэвид

Филолог по образованию, специализировавшийся на русской литературе, Дэвид приехал в МГУ по обмену на годичную стажировку. Обычно на длительную стажировку специалисты приезжают с семьёй, но Дэвид, только недавно перешагнувший тридцатилетний рубеж, брачными узами обременять себя не торопился. Несмотря на то, что Дэвид готовился стать специалистом по русской литературе, язык он знал скверно, говорил с ужасным акцентом и любой студент-иностранец, проучившийся на подготовительном отделении МГУ, мог дать ему хорошую фору.

Даля познакомилась с британцем случайно, когда заскочила к Яне, своей подруге, аспирантке филологического факультета. Яна жила в Главном здании и с Дэвидом общалась по работе довольно часто, стажер из Британии обитал на одном с ней этаже. Новый знакомый впечатления не произвёл: невысокий, сухошавый, даже тощий, с непропорционально большой

головой, тяжёлой выпирающей челюстью, редкими выющимися рыжими волосами и серыми прозрачными, спрятанными за круглыми стёклами очков, глазами. Да и куда ему, с его-то внешностью, типичной для жителя туманного Альбиона, было тягаться с мужем Даля – жгучим латиноамериканским красавцем!

Совсем иные чувства вызвала встреча у Дэвида. Если сказать, что знакомство с девушкой произвело на него сильное впечатление – значит, ничего не сказать. Хватило одного взгляда, чтобы потерять голову. Что в образе незнакомки так подействовало на флегматичного британца, не понятно. Однако Дэвид стал искать повода и любого удобного случая, чтобы чаще видиться с пленившей воображение красавицей. Сначала напросился в помощники Даля как гиду, якобы в целях улучшения своего русского и изучения достопримечательностей города. Отсутствие языкового барьера позволило много и интересно общаться. Понемногу Даля стала интересоваться услужливым знакомым. Как-то незаметно облик британца перестал казаться блеклым и даже стал интересен своей необычностью. Безупречное воспитание, проницательный ум и отличный вкус очаровывали Далию гораздо больше, чем внешний вид молодого человека. Спустя некоторое время Дэвид, не стесняясь, выражал восхищение самой девушкой, её очаровательным сыном, фотографии которого довелось увидеть, побывав в гостях у Даля. В отношениях с девушкой британец не переходил дозволенных приличиями границ, понимая, что перед ним замужняя женщина.

Прошло больше двух недель с момента знакомства и почти ежедневного общения молодых людей. Дэвид много и охотно рассказывал о детстве, учёбе в старейшем британском университете, о Лондоне и Англии вообще, и о своих планах на будущее. Воображение девушки рисовало пасторальные картины жизни в туманном Альбионе и казалось, что именно о такой жизни она мечтала с детства. Думать о Рудо хотелось всё меньше. О сыне Даля вспоминала не так часто, как раньше, и звонила матери в Вильнюс намного реже.

В один из дней Дэвид сообщил, что на выходные едет в Ленинград. Даля не придавала событию значения, лишь пожелала новому знакомому хорошей поездки. Но когда обнаружила, что рядом нет того, к кому успела привыкнуть, девушка заволновалась. Два дня, пока подданный её величества любовался красотами города на Неве, Даля неотступно думала о нём. Когда же восторженный от увиденного в Северной Пальмире Дэвид вернулся, девушке показалось, что только этого момента и ждала. Наверное, она больше чувствовала, чем понимала, что регулярные частые встречи не могут пройти просто так, но это отчего-то уже не пугало.

Молодые люди продолжали дружески общаться и захаживать друг другу в гости. Прошёл месяц. «Шила в мешке не утаишь!» – гласит народная мудрость. В один из дней Даля допоздна задержалась в гостях у Яны. Распровавшись с подружкой, торопливо идя по коридору, неожиданно столкнулась с Дэвидом, который не мог скрыть радости от встречи. Несмотря на поздний час, уговорил девушку зайти ненадолго в гости. Даля замялась, но потом согласилась...

На следующее утро, лёжа в постели рядом с Дэвидом, она уже точно знала, что сделает всё, чтобы не разлучаться с ним. Далию не волновало, что она замужем и у неё подрастает сын, и непонятно, чего здесь было больше: желания стать настоящей британкой или действительно чувства, вспыхнувшего в её холодном сердце.

Каждый день они проводили вместе, смело строя общие планы на будущее. Дэвид сиял от счастья, как надраенная бляха солдатского ремня, и не сильно задумывался о том, как будет объясняться с мужем своей возлюбленной. А вот объясняться пришлось. Произошло всё как в скверном анекдоте. Рудо вернулся из казахстанских степей, где трудился студенческий стройотряд, на три дня раньше, чем обещал супруге. Он летел на крыльях любви, в прекрасном настроении! Ещё бы! Получилось заработать много больше денег, чем планировал, и очень хотелось сделать жене маленький сюрприз: свозить на недельку к теплому морю, в любимый студенческий лагерь «Буревестник»! Самолёт прибыл ночью, но Рудо не стал дожидаться утра, пока начнут курсировать рейсовые автобусы. Взял такси и по двойному тарифу быстро

домчался до общежития. Извинившись перед вахтёром за то, что так рано побеспокоил, поднялся на этаж и тихо, стараясь никого не разбудить, открыл дверь комнаты. Свет из коридора скользнул внутрь и осветил краешек расстеленной кровати. Сердце забилось часто!

«Наверное, спит? Не напугать бы мою милую», – с нежностью подумал Рудо.

Но в следующее мгновение, когда дверь открылась чуть шире, а свет выхватил из темноты всю нижнюю половину кровати, Рудо остолбенел. Из-под одеяла, рядом с нежными женскими ножками, торчали чьи-то рыжие и волосатые... Что случилось потом, Рудо плохо помнил. По счастью, его успели остановить дюжие молодцы из соседних комнат, сбежавшиеся на дикий грохот падающей мебели и истошный крик Дали. Результатом бурного объяснения стало разбитое лицо британца и травмы обеих рук аргентинца. Рудо, который всей душой был предан супруге, хранил верность и безумно любил сына, стал рогоносцем. Для латиноамериканцев – самое страшное оскорбление.

Скандал, к счастью, замяли. Дальше – развод по обоюдному желанию. Решением суда ребёнка оставили матери. А что Рудо? Он впал в жуткую депрессию. Единственное, что удерживало от окончательного срыва – подготовка дипломного проекта. Рудо с головой ушёл в работу...

В столовой

Если Тимур на отсутствие аппетита никогда не жаловался и в любое время был не прочь подкрепиться, то Рудо большим гурманом не слыл и к пище относился весьма равнодушно. Друзья едва успели проскользнуть в просторный, залитый светом зал, как тут же бдительная дежурная закрыла за ними высокую стеклянную дверь.

Столовая закрывалась, поэтому выбор блюд на витрине не отличался большим разнообразием. Пришлось довольствоваться тем, что завалилось на раздаче. В итоге на поднос к Тимуру перекочевал почти весь оставшийся на полках ассортимент. Набор блюд Рудо оказался куда скромнее и ограничился молочными сосисками с яичницей, салатом из моркови с яблоками, стаканом сметаны и чашкой чая с долькой плавающего в нем скукоженного лимона. Оплатив покупки, парни направились к свободному столику на подиуме, который отделялся от центральной части зала невысокой декоративной оградкой с дубовыми перилами. Друзья, расставив тарелки, уселись за стол у большого окна, прикрытого занавеской из прозрачного тюля. Народу в зале почти не осталось. За парой соседних столиков добивали остатки завтрака припозднившиеся аборигены из общежития.

Тем временем дежурная вывесила табличку «Закрыто» на входной двери, за которой осталась группа опоздавших и не сумевших проشمыгнуть в зал студентов. Повариха, полная женщина, облаченная в белоснежные одежды, с высоким колпаком на голове, важно прошествовала в центр зала, где присоединилась к другим сотрудникам, вышедшим из цеха на перерыв.

Недалеко от места, где проворно орудовали столовыми приборами Тимур и Рудо, собралась не большая, но шумная компания: повара, помощники, работники варочного цеха, сотрудники, трудившиеся на раздаче, и кассиры. Они, сдвинув несколько столов, уселись дружной компанией. Разговоры тружеников столовой периодически прерывались взрывами смеха. Набор блюд на столе у поваров и помощников ничем не отличался от того, что предлагался студентам. Тем временем в большом зале столовой кипела работа. Уборщицам за время короткого перерыва следовало навести порядок, чтобы успеть к уже скорому и самому беспокойному времени в работе столовой – обеду.

– Рудо, сегодня Новый год, не забыл? – глядя за спину приятелю, туда, где шумно чаевичали труженики в белых одеждах, спросил Тимур. – Какие у тебя планы? Где встречать собираешься?

– Что тут думать? Знакомые, с кем приехал когда-то Москву, хотят собраться. Наверное, больше не увидимся. Учёба подошла к концу. Скоро разъедемся по домам, кто куда, – с грустью сказал Рудо. Поковырявшись немного вилкой в салате, продолжил: – Да и я тоже собираюсь ехать домой...

– Как домой? – чуть не подавился Тимур. – Вот это новость! У тебя же красный диплом намечается! Не забыл, что 25 января, на Татьянин день, в торжественной обстановке из рук ректора его получишь, а там и аспирантура тебе гарантирована! Неужели бросишь всё и уедешь? Тема работы у тебя отличная, и шеф что надо. С таким раскладом через три года защитишь кандидатскую, и тогда уже не магистром, а доктором наук вернёшься домой! Мне помнится, ты и сам так планировал сделать.

Тимур не мог поверить в то, что сейчас услышал от друга. Новость подпортила и без того неважное настроение. Ко всему добавились грустные мысли о том, что приближается момент расставания с друзьями, вместе с которыми не один год прожил бок о бок. Не хотелось верить, что безвозвратно уходят в прошлое ночные посиделки в общежитии, когда можно без особых церемоний заглянуть в комнату к друзьям.

Тимур привык к общежитию, и ему не верилось, что безмятежная студенческая жизнь подошла к концу. Хотелось хоть как-то продлить это время и сохранить сложившийся круг общения, поэтому Тимур бросился уговаривать друга не спешить с отъездом.

– Зачем торопиться? – спросил Тимур. – Ведь ты здесь давно свой, почти что соотечественник?

– Нет, – пряча глаза, словно стесняясь признания, ответил Рудо, – не соотечественник...

– Да брось, не цепляйся к словам, ну, ты же по духу наш. Ты соотечественник не в смысле гражданина страны, а в смысле ментальности. Ну, сам рассуди. Тебе, чудак-человек, выгодней здесь продолжить учёбу, чтобы потом вернуться на родину, но в другом, более высоком статусе!

Тимур, столь красноречивый и убедительный, стыдился признаться себе, что главный мотив его увещаний – простой эгоизм, а не забота о карьере Рудо.

– Всё, что ты говоришь, правильно – не возразишь, – Рудо положил вилку на стол, откинулся на спинку стула и, глядя в окно, задумчиво сказал, – полгода назад примерно так же рассуждал. Всё ясно и просто: что делать, и как строить жизнь. Правильно говоришь, что сейчас у меня есть все возможности, и есть прямая выгода от продолжения учёбы, но нет главного – нет желания здесь оставаться.

Голос Рудо то ли от волнения, то ли от нахлынувших воспоминаний задрожал.

– Очень хочу вернуться домой. Соскучился по родителям, по младшему брату и сестре, которых не видел уже семь лет. Подумать только семь лет! Здесь ничто не держит. Нет сил, даже до защиты потерпеть. Наверное, тоска по дому есть не только у русских. Последние месяцы совсем грустно стало, только работа и спасала. Сейчас, когда делать нечего и осталось дожидаться только дня защиты, время словно остановилось. Там, далеко, я свой, а здесь – чужой...

– Почему чужой? А друзья, а университет, а знакомые и земляки? – горячо заговорил Тимур, – Понимаю, не срослось с Далей, так что, из-за этого жизнь рушить и карьеру свою гробить?

Всё, к чему сейчас призывал друга Тимур, в равной степени относилось и к нему самому, переживавшему разрыв с любимой девушкой. Его тоже ничего вокруг не радовало, и так же, как и Рудо, он испытывал щемящее чувство одиночества среди толпы. В собственной слабости и малодушии всегда труднее признаваться. Тимур сам только и мечтал о том, чтобы скорее покончить с дипломом и драпануть домой, на Кавказ, где ничего не напоминало бы ему о теперешних переживаниях.

«Когда, ко всему прочему, ещё и находишься в чужой стране, чувство одиночества, наверное, становится нестерпимым», – подумал Тимур.

Видя, что Рудо не радуется теме, Тимур замолчал. Оба сосредоточенно смотрели в свои тарелки, орудуя ножами и вилками. Быстро по-армейски прикончив свой завтрак и отхлебнув глоток ещё горячего чая, Тимур поднял глаза на собеседника, который к этому времени тоже практически завершил трапезу. Тимура охватила тоска от мысли, что, возможно, это их последняя беседа за одним столиком. Стало понятно, что аргентинец не рисуется и действительно очень скоро покинет страну, уедет за океан, и они вряд ли когда-нибудь встретятся. Отгоняя невеселые мысли, Тимур, снова заговорил.

– Как дома? Как родные и близкие?

– Нормально. К счастью, все живы и здоровы. Больше всех скучает мама, отец спокойнее относится к разлуке, а брат и сестра стали взрослыми. Представляешь, – оживился Рудо, – сестра, пока я здесь учился, успела выйти замуж и даже родить дочку! Так что я теперь еще и дядей стал. В голове не укладывается! Когда уезжал, сестре только четырнадцать лет исполнилось, а тут она уже мамой стала! Даже представить трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.